

М. Г Е Р Ш Е Н З О Н

ДЕДУШКА ДЖО

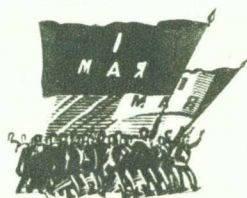
Д Е Т Г И З 1 9 3 5

М. Г Е Р Ш Е Н З О Н

Г 421

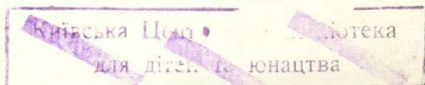
ДЕДУШКА ДЖО

1 9 3 5

Д Е Т Г И З

Музей

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

*Рисунки П. Алякринского
Редактор К. Цыкунов
Техредактор Е. Гуркова*

Сдано в производство 27/III
1935 г. Подписано к печати
17/IV 1935 г. Детгиз № 334.
Инд. Д-6. Формат 72×93¹/₁₀,
1¹/₄ печ. лист. Уполномоченный
Главзита Б-5666. Тираж 10000.

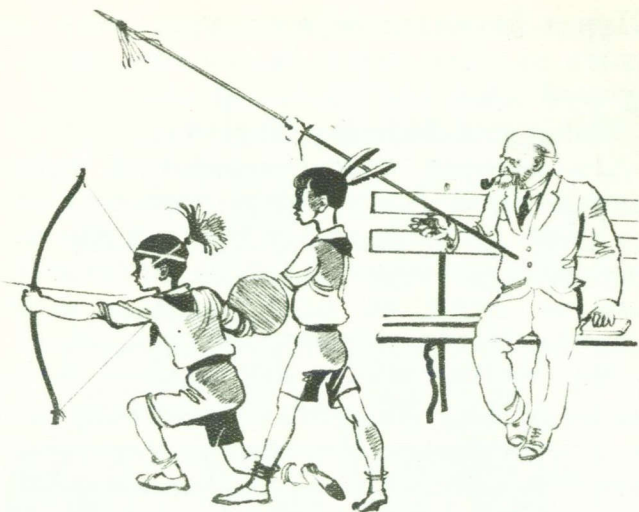
Набрано в 1-й Образцовой типо-
графии Отгиза РСФСР треста
„Полиграфкинига“, Москва, Ва-
ловая, 28.

Отпечатано на Ф-ке Детской
книжки ОГИЗ РСФСР треста
„Полиграфкинига“, Москва, Су-
щевский вал, 49.

1957-58 г.

58 376

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

У нас во дворе живет американец. Это маленький седенький старичок, такой маленький, что мне и то будет только по плечико.

А родился он в 1861 году—за десять лет до Парижской коммуны. Попробуйте, посчитайте, сколько ему лет! Уж наверно два раза собьетесь.

А по-моему он вовсе не американец. Если он приехал сюда из Америки больше двадцати лет назад, то это не считается, правда? И по-русски он говорит отлично, только меня называет «Майк» вместо Михаил, а еще говорит «олд райт» вместо «ладно», и курит трубку. Мало ли кто курит трубку! И

Шурка научился от него: чуть что — «олл райт» да «олл райт». А мы его зовем дедушкой Джо.

Мы с ним большие друзья.

Он, конечно, нигде не работает и получает пенсию. Когда тепло, весь день сидит во дворе на солнышке и курит и рассказывает нам, как играть в ковбоев и в индейцев. Сам он, один, по улицам ходить боится: конечно, такого слабенького затолкают.

Мы с Шуркой всегда провожаем его, когда он идет на почту получать пенсию. А в годовщину Парижской коммуны он попросил нас, чтобы мы повели его на праздник в Дом ветеранов революции.

Пошли мы. Весь зал был полон старичков. Меньше пятидесяти лет там человек считается вроде как комсомолец. А в президиуме за столом — настоящие парижские коммунары. Не помню, или пять, или шесть их было. Один, совсем крепкий еще старичок, встал и как начал вспоминать — про стрельбу, про баррикады, как их расстреливали версальцы!

— Мне, — говорит, — в ту пору было пятнадцать лет. Меня, конечно, мать не пускала на улицу, заперла на ключ. Но я вылез в окно на чердак, а оттуда на крышу. Первым делом я побежал искать мою учительницу Луизу Мишель. Я нашел

ее на баррикаде. «Тащи скорей патронов!» крикнула она мне.

Дедушка Джо сидел в первом ряду, а мы с Шуркой—на самой задней скамейке, потому что как-то неловко было впереди.

Вечер кончился поздно, а когда мы вышли на улицу, шел сильный дождь.

— Скорее, скорее, вот наш трамвай!— крикнул Шура.

Но дедушка Джо хотел идти пешком.

— Дождик очень теплый, май бой (это значит— «мой мальчик»), мне приятно ходить, вспоминать прошлые дни,— ответил дедушка Джо.

Он совсем промок, пока мы дошли до дома.

— Смотри не простудись, дедушка, тебе и захворать недолго,— сказал я ему на прощанье.

— Ничего, Майк, я здоровый старик,— улыбнулся он.— Со лонг (это значит— «прощайте»).

На другой день у нас был совет отряда, и мы поздно вернулись домой, не успели к дедушке забежать. А потом был выходной, солнце грело совсем по-весеннему. Мы играли во дворе.

— Что-то не видно дедушки Джо,— заметил я.— Уж не захворал ли он после дождя?

Мы побежали к нему и постучали в дверь.

Старичок был здоров. Он сидел на полу возле своего американского чемодана и рылся в каких-то бумагах.

— Гуд морнинг, комрэйдс! (Доброго утра, товарищи!) — сказал он, поднимая на нас глаза. — Как поживаете, мои маленькие друзья?

— У нас вчера был совет отряда, — затараторил Шура. — Хотели исключить Сергея, потому что он в клубе украл будильник. А Сережка пришел на совет и принес самодельный автомобиль с пружинным заводом. Как заведешь пружину, автомобиль бежит на пятнадцать метров. Это все-таки изобретение. Некоторые ребята защищали, чтобы его простить, потому что ему, правда, очень нужны были шестеренки, пружины...

Но дедушка Джо не слушал, что говорит Шура.

А всегда он очень интересовался нашими делами. Он как будто и позабыл, что мы сидим в комнате. Возьмет конверт, вытащит из него письмо, прочтет, положит обратно. Возьмет газетку, найдет статейку, подчеркнутую красным карандашом, поглядит, поглядит и опять роется в чемодане. И все курит трубку, а глаза у него красные, будто он плакал или дыму наглотался.

Шурке наскучило сидеть без дела.

— Пойдем, Мишка, — сказал он мне.
Но в это время дедушка Джо вытащил со дна чемодана картинку.

— Ну-ка, мальчики, поищите на этой картинке дедушку Джо.

Картинка вырезана была, наверно, из какого-нибудь журнала или газеты. Люди в смешных шляпах шли рядами, а впереди стояли женщины в стародавних нарядах, и одна протягивала мужчине ребенка.

— Ну, где уж тут вас найдешь! — рассмехался Шурка. — Тут всё здоровенные дяди. А шляпки-то какие! Гляди, Мишка, чисто чугунки.

— Нет, дедушка Джо, — сказал я, — тут ни одного нет похожего. Наверно, это очень старая картинка.

— Старая, это верно, Майк, — улыбнулся

дедушка Джо. — Вот смотрите: тут, первый справа, самый край — это ваш дедушка Джо. Это было в тысяча восемьсот девяностом году, в Первый май.

— В тысяча восемьсот девяностом году! — воскликнул Шурка. — Сорок пять лет назад? Так разве ж тогда были маевки?

— Это был самый первый Первый май, мой мальчик.

Мы повнимательней разглядели картинку. Какой дедушка Джо был тогда высокий и сильный! Наверно, он просто усох от старости.

— А что это за дядька с ребенком?

— Это мой самый хороший приятель, Паркер. Жена пришла прощаться с ним, — она боялась, что полиция начнет стрелять.

— А где он теперь, дедушка Джо?

Старик ничего не ответил, только пожал плечами. Он опять принялся рыться в бумагах. Но теперь уж мы не спускали глаз с его рук. Ему попался клочок красного шелка, на котором написаны были буквы: IWW.

— Это значок «Воббли», — объяснил дедушка. — Так назывался когда-то в Америке революционный рабочий союз.

Потом он вытащил еще одну вырезку из газеты, затертую, желтую. На ней был очень страшный рисунок: четыре арестанта

в халатах стоят под виселицей, и около каждого болтается петля.

— Что это, дедушка?

— Это вот — Спайс, это Фишер и Энгель, а этот... Как его звали?..

Дедушка долго тер лоб, потом сказал:

— Не помню, мальчики, нипочем не вспомню. И вот смотрите, как это обидно, май бойс (мои мальчики). Рядом на заводе стояли, кусок хлеба делили, а я забыл, все забыл, олд фул! (Олд фул — это значит «старый дурень»; так всегда бранил себя дедушка, когда очень на себя разозлится.)

Я хотел спросить, за что их казнили, да побоялся, что дедушка и это забыл. Но Шурка не удержался.

— А за что их повесили, дедушка Джо?

— За бомбу. Только это неправда, мальчики, они не бросили бомбу. Они просто шли, как я, как другой на Первый май.

— В тысяча восемьсот девяностом году?

— Нет, кажется, это было раньше...

Дедушка наморщил лоб и сел, прикрыв ладонями глаза. Он сидел так долго-долго, и вдруг я увидел, что у него между пальцами вытекла слезинка.

— Дедушка, а дедушка Джо! — окликнул я его. И он отнял руки от лица. Слезы текли у него по морщинкам, он горько кивал головой.

— Все забыл, все забыл! Кусочки помню: у Мак-Кормик забастовка, Хеймаркетсквер, бомба, Первый май... Когда это было, первый Первый май, — потом или раньше? Спайс, Фишер и Энгель, а как его звали, четвертого? Все забыл, все забыл, олд фул!

Он положил мне руку на плечо.

— Так-то, Майк. Слышал, как коммунары? Всякую минутку помнят. Почему я не помню, один туман в старой голове? Надо дедушке Джо умирать. Никуда не годится. Спайс, Фишер, Энгель... Как его звали? Вместе работали у Мак-Кормик. Питерс — не Питерс, Адамс — не Адамс. Ларсон? Нет, и не Ларсон.

Он снова уткнулся лицом в ладони и замолчал. Мы потихоньку вышли из комнаты.

С этого дня дедушка Джо совсем переменялся. То бывало смеется, поет вместе с нами «Приамурских партизан». А сейчас совсем загрустил. Сидит во дворе на лавочке и молчит. Уставится на какую-нибудь жестянку, склянку и не шевелится. И нас не замечает. Только раз вечером, — я помогал ему встать, потому что у него нога затекла, — он говорит мне снова:

— Скоро будешь говорить мне «прощай», Майк. Если старый человек потерял память, то надо в гроб. Старый человек каждый

день всю старую жизнь живет. Если забыл — скучно, совсем нельзя жить, май бой. Скоро будет умирать дедушка Джо.

Шурка нашел в газетном киоске целый ворох американских газет. Мы выпросили дома денег и притащили газеты дедушке Джо. Потихоньку, чтобы он не заметил, мы прокрались к нему в комнату и положили сверток на стол. На другое утро он вышел во двор с американской газетой.

— Спасибо, мальчики, — улыбнулся он нам. — Дедушка Джо очень рад. Очень рад, хороший подарок. Спасибо, май бойс.

Он развернул газету и принялся читать. Через полчаса Шурка стукнул мне в окно. Я выбежал во двор.

Дедушка Джо сидел неподвижно, глядя все на одну и ту же строчку.

— Он не читает, — шепнул мне Шурка. — Так просто сидит.

У нас не было занятий в школе, потому что нас распустили до первого апреля. Но я знал, что Степан Петрович, который преподавал нам обществоведение, никуда не уехал на эти дни.

— погоди, — сказал я Шурке. — Я придумал одну штуку. — И побежал к Степану Петровичу.

Он очень удивился, когда я рассказал ему, в чем дело.

— Так, так, — сказал он. — Значит, тебе нужны книги, в которых можно найти про первое Первое мая. Придется полезть в историю рабочего движения в Америке.

Он порылся на полке, потом раскрыл диван, битком набитый книгами.

— Что же, возьми вот эту и эту. Только они очень трудно написаны, тебе самому не осилить. А впрочем... если хорошенько наляжешь... Ну, смотри только, не затеряй их, эти книги трудно достать.

Я аккуратно завернул книги в газету. Три книги! На одной большими, жирными буквами было напечатано IWW — те же самые буквы, что мы видели с Шуркой у дедушки Джо на лоскутке красного шелка.

Домой прилетел я пулей.

— Шш! — остановил я Шурку, который кинулся мне навстречу. — Теперь все будет ладно.

Дедушка Джо все сидел над газетой, как и два часа назад. Он задремал, трубка выпала у него из руки. Мы тихонько прошмыгнули мимо, зашли к нему в комнату.

— Ну, говори, что ты придумал! — тербил меня Шурка.

Я развернул бумагу и выложил на стол все три книги. А книгу с буквами IWW положил наверх, — чтобы дедушка Джо сразу заметил ее, как вернется к себе.

Уж, конечно, мы поглядывали в окошко. Недаром он в этот вечер потушил свет в двенадцать часов, — ведь всегда он ложился спать в девять! Он прочитал страницу и, прежде чем перевернуть ее, долго сидел, задумавшись и глядя в потолок. Нам не видно было его лица, но я уверен, что он улыбался.

И наутро он вышел с прежней, веселой улыбкой на лице.

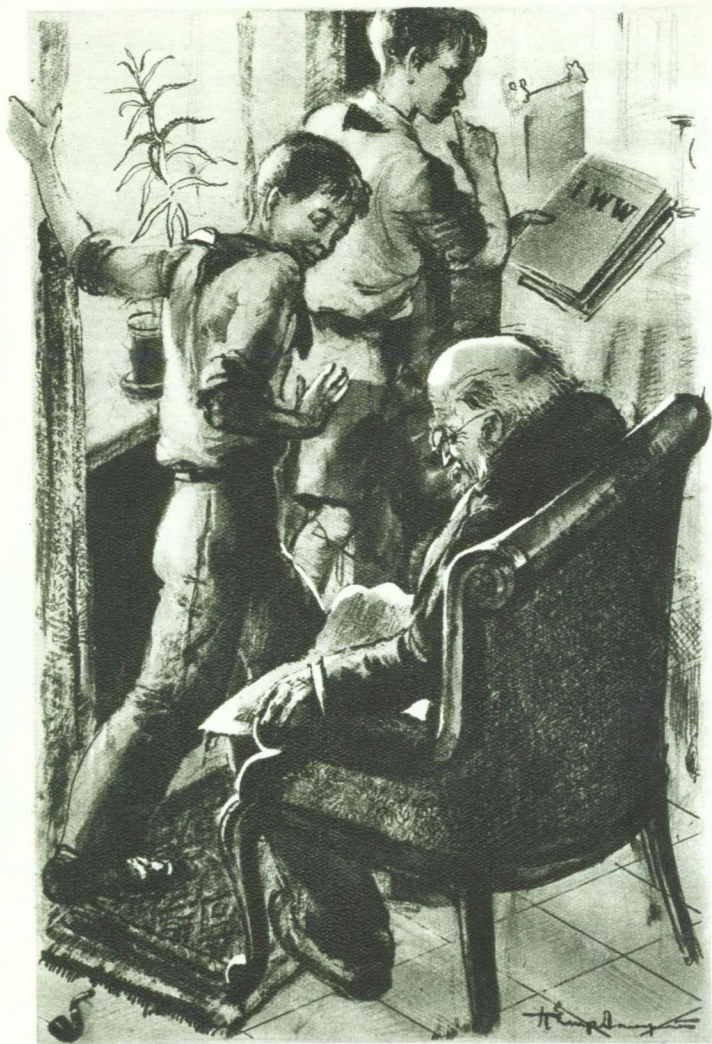
— Хэлло, бойс! — окликнул он нас. — Хау ду ю ду? (Это значит: «Как выживаете?») Хорошо? Олл райт, и я хорошо. Какая теплая погода, вовсе лето. А ведь я вспомнил, как звали парня, — Парсонс. Смешно, как я мог позабыть! Вместе работали, вместе корку хлеба ели... Парсонс, ну, конечно, Парсонс. Хороший был малый Парсонс!

Больше ничего он не сказал в этот день: сидел, держал на коленях кошку Мурку и щекотал ей шею под подбородком. А Мурка щурилась и урчала.

— Выздоровел наш старикан, — подмигнул мне Шурка.

Прошло еще два дня. Мы отправились с дедушкой Джо на почту. Он получил свою пенсию, потом с таинственным видом сказал нам:

— Ну, мальчики, вы будете меня ждать

тут. Никуда не ходить! — И вошел в универмаг. Он вынес покупку, завернутую в бумагу, и, гордо задрав кверху свою бородку, отправился домой.

На дворе он остановился у ручейка, который бежал из-под снежной кучи, сорвал обертку с яркого красно-синего парохода и сказал, указывая пальцем на воду:

— Вы будете красный флот, май бойс!

Дедушка Джо позабыл, что прошло уже два года с тех пор, как мы увлекались этой забавой. Теперь нам и вовсе скучно было пускать пароходики в чайной ложке воды. Не малыши ведь мы, в самом деле! Но мы терпеливо пускали суденышко у снежной кучи и подталкивали его по асфальту до самых ворот. А старик глядел на нас, прищурив веселые глаза, и только что не урчал, как Мурка.

— Ну, дедушка Джо, — сказал Шурка, когда нам окончательно наскучило это занятие, — вы хотели нам рассказать про эту картинку.

— Про какую картинку? — спросил старик.

— Да про ту, на которой нарисованы арестанты: Спайс, Фишер, Энгель...

— И Парсонс? — докончил дедушка Джо. — Расскажу, если вы поможете мне сварить обед.

Раз в сто лет дедушка Джо доставлял нам это удовольствие: мы забирались к нему, жарили картошку или варили щи, а потом обедали все вместе. Шурка имел свою специальность: стоять у машинки, подкручивать фитили, помешивать в кастрюле или на сковородке. А мы с дедушкой Джо чистили в четыре руки картошку.

— Это я ошибся, что первый Первый май был в тысяча восемьсот девяностом году, — сказал дедушка, когда мы принялись каждый за свое дело. — Самый первый Первый май был раньше — в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Помню очень хорошо. Мы с Парсонсом работали в то время в Чикаго, на заводе сельскохозяйственных машин Мак-Кормик.

— А кем ты работал там, дедушка? — спросил я.

— Подручным работал, по сборке жаток. В то время рабочие начали делать союзы по всей Америке. Лучше, лучше вымой картошку, Майк. Мы требовали эйт хаур дэй — это значит восемь часов в день работы, а больше нет. Тогда решили: в Первый май тысяча восемьсот восемьдесят шестого года — никто не работай в Америке, стачка за эйт хаур дэй. Мы не пошли на завод в Чикаго и в других больших городах. И это был первый, пер-

вый митинг. Парсонс сказал мне: «Джо, завтра ты приходи на митинг, ты и другой, и столяр, и механик...» Мы пришли, и полиция стреляла. Я взял большой камень,— и бросал, и бросал, прямо в полисмен. Мне убили руку,— вот...

Дедушка Джо положил картофелину в миску и засучил рукав выше локтя: на худенькой руке был белый шрам, как червячок.

— И много убили до смерти. Тогда мы устроили митинг на другой день в Хей-маркет-сквер, на Сенной площади. Это было очень много рабочих, весь Чикаго. Полиция пошла вперед, и кто-то бросил в них бомбу. И бомба убила много полисмен. Я знаю: Парсонс не бросал бомбу, и Фишер не бросал бомбу, и Энгель и Спайс тоже не бросали. Кто бросал? Может быть, что предатель. Да, конечно, предатель. Его послали боссы¹ погубить наш митинг, наш рабочий союз...

Дедушка Джо задумался. Шурка поставил картошку на огонь, и мы сели к столу.

— Селедку чисть на бумажке, май бой. Его повесили, Парсонса,— помню, Альберта Парсонса, и Августа Спайса, и Фишера — его звали Адольф,— и Энгеля. Энгель был

¹ Босс — хозяин, капиталист.

мой тезка, мальчишки, и мы ходили с ним ловить рыбу. И поймали раз старый башмак. У Мак-Кормик все называли нас: «Джо и Джо, компания старый башмак». А вы говорите, что я позабыл, май бойс!

— Почему же ты говорил, что первое Первое мая было в тысяча восемьсот девяностом году?—спросил я дедушку Джо.

— Потому что на весь мир этот праздник был в первый раз в тысяча восемьсот девяностом году,—ответил старик.—Понимаешь, май бой, на весь мир, во всех странах, где есть рабочий.

Он обернулся к подоконнику, где всегда лежала его трубка.

— Майк, ты не видел, куда я положил трубку?

Мы с Шуркой так и покатались со смеху: трубка была у него в левой руке.

— Так вы ж ее держите!—крикнули мы в один голос.

Дедушка Джо виновато улыбнулся.

— Олд фул! Вот так я держал в руке первый Первый май и не мог найти. Это ты принес книги, Майк? Спасибо, май бой, очень, очень, очень большое спасибо. В Первый май я буду идти с вами вместе, первый, первый ряд!

И мы сели кушать картошку.

58376

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КНИГИ
ДЕЛ ГИЗА

ЦЕНА 40 КОП.